

Фактический материал, собранный в общении с морскими летчиками, послужил основой повести **«Девять братьев»** (1943), очерков и рассказов, вошедших в его сб. «На защите Ленинграда» (1943), **«Ночи на островах»** (1945). Поспешно написанная повесть «Девять братьев» вызвала возмущенные отклики прессы, отметившей «недобросовестный подход к изображению героических будней Ленинграда», «безвкусное и бездушное» описание событий (рец.: Прокофьев А. // Звезда. 1944. № 5–6. С. 138–139; Трифонова Т. В голубой обложке: Фельетон // Ленинград. 1945. № 4–5. С. 30–31).

После демобилизации в 1946 жил в Москве. Тема героизма в годы Отечественной войны стала основной до последних лет жизни. По повести **«Морской охотник»** (1945) в 1954 был поставлен фильм для детей. Очерки и рассказы о военных летчиках и моряках вошли в книгу **«Талисман»** (1947). Одним из лучших произведений о Великой Отечественной войне стал роман Ч. **«Балтийское небо»** (1955) — о героизме летчиков Балтфлота, защитников осажденного Ленинграда (работал над романом с 1946 по 1954). Роман принес Ч. широкую известность среди читателей и одобрение критики, назвавшей его ярким лит. событием.

Роман выдержал несколько изданий (9-е изд. 1965), переведен на иностр. яз., в 1960 по роману снят 2-серийный худож. фильм. Повестям и рассказам Ч. 1960-х, посвященным теме любви, свойственен тонкий психологизм в раскрытии чувств. В повести **«Варя»** (Знамя. 1957. № 12), рассказах **«Мост»** (Известия. 1961. 27 авг.), **«Последний разговор»** (Лит. газ. 1962. 17 нояб.), **«Нервный брак»** (Избранное. М., 1963), **«Цвела земляника»** (Юность. 1965. № 1), **«Девочка Жизнь»** (Юность. 1964. № 1) развивается мотив жертвенного героизма любви, являющейся источником неистребимой жизненной силы. Созданные Ч. женские образы впечатляют душевной чистотой, талантом самоотверженной, деятельной любви. Приметным явлением в лит. жизни стал сб. **«Избранное»** (1963), куда Ч. включил лучшие произведения, написанные на протяжении трех десятилетий. Собранные вместе, они неожиданно открыли читателю мудрую, высокочеловечную прозу Ч.

С конца 1950-х писал воспоминания. Очерки о лит. Петрограде–Ленинграде 1920–30-х и лит. портреты писателей, отличающиеся меткостью и неожиданностью характеристик, составили книгу **«Литературные воспоминания»** (1989), ставшую од-

ним из лучших прозаических произведений Ч. и заметным явлением в мемуаристике. В 1950–60-е Ч. большое значение придавал своей переводческой деятельности (венгерская, польская, грузинская, армянская, украинская поэзия), считал искусство перевода сходным с волшебством (Мастерство перевода. 1969: сб. 6. М., 1970. С. 387). Несомненной удачей стали переводы стихов Ш. Петёфи, сб. Ю. Тувима «Цветы Польши». Лучшие переводы Ч. включил в сб. **«Время на крыльях летит...»** (1967). В последние годы жизни избирался членом правления СП СССР и правления СП РСФСР, членом правления изд-ва «Советский писатель». Основал секцию переводчиков, председателем которой оставался до конца дней. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1965). Лит. воспоминания Ч. и его переписка с отцом вошли в кн. **«О том, что видел»** (2005).

Соч.: Повести. М., 1933; Избранное / вступ. статья Н. Жданова. М., 1963; Балтийское небо / послесл. А. Дымшица. М., 1961; Время на крыльях летит...: Избранные переводы. М., 1967; Литературные воспоминания. М., 1989; Балтийское небо: рассказы. М., 1991; Потаенное / вступ. статья Т. Бек; публ. Д. Н. Чуковского // Новый мир. 2003. № 7; О том, что видел. М., 2005.

Лит.: Трефилова Г. Подвиг любви // Новый мир. 1963. № 12. С. 240–246; Успенский Л. Писатель и человек // Чуковский Н. Цвела земляника. М., 1970. С. 3–16; Слонимский М. Л. Николай Чуковский // Нева. 1980. № 2. С. 187–188; Якушева Г. В. Чуковский Николай Корнеевич // Русские писатели. 20 век: биографический словарь. М., 2000. С. 750–751.

Т. А. Кукушкина

ЧУЛАКИ Михаил Михайлович [25.2.1941, Ленинград — 21.8.2002, Петербург] — прозаик, публицист.

Родился в семье творческих работников: отец, М. И. Чулаки — известный композитор, в течение ряда лет директор Большого театра в Москве, мать, Е. Е. Чулаки — художница. В 1958–61 учился в ЛГУ сначала на филол., потом на восточном ф-те. Не закончив курса, был педагогом-администратором в кукольном театре. В 1962–68 учился в ленинградском Первом медицинском ин-те, 1968–74 — врач-психиатр в психиатрической больнице № 2 г. Ленинграда. В дальнейшем, будучи уже профессиональным литератором, работал подручным печатника, рабочим сцены, ассистентом дрессировщика. С 1992 и до конца жизни — председатель СП Санкт-Петербурга.

Первая публикация — рассказ **«От „Стрелы“ до „Стрелы“»** (Звезда. 1973.

№ 3). Первое крупное опубликованное произведение — роман **«Тенор»** (Нева. 1979. № 10–12). Первая книга — сб. рассказов и повестей **«Долгие поиски»** (Л., 1979).

Уже первый роман Ч., при некоторой рыхлости композиции, затянутости диалогов, привлекал внимание глубоким проникновением в материал (в данном случае — жизнь музыкального театра), психологической достоверностью. Главный герой — певец Борис Селицкий — не лишен тщеславия, эгоцентризма, капризности, но это скорее «профессиональные заболевания» любимца публики, чем органические пороки личности. Тот же Селицкий способен бескорыстно воспламениться при встрече с безвестным, но несомненным талантом, он подлинный художник, профессионал, искренне преданный своему делу. «Героев начну ремеслу обучать...» — так, строчкой из М. Светлова, была названа рецензия В. Новикова на «Тенора» в «Новом мире» (1980. № 12. С. 238–242). И не случайно: тема «человек и его дело», тема призвания, ремесла, а отсюда — и места в жизни надолго становится одной из определяющих в творчестве Ч. Герой романа **«Прекрасная земля»** доктор Иван Воинович Зайончков — неудачник: несостоявшийся писатель, упорно продолжающий осаждать редакции, третируемый бывшей женой, робеющий перед сыном-спортсменом, он и как врач вполне зауряден. Но есть и у него минуты торжества: как никто другой, он умеет найти у пациента нужную вену, чтобы сделать укол.

М. М. Чулаки

Дело даже не докторское, а скорее сестринское, но именно в такие мгновения Иван Воинович ощущает себя нужным и незаменимым на этой земле.

«Прекрасная земля», вместе с «Тенором» и романом **«Вечный хлеб»** (герой которого — ресторанный повар, бывший блокадный детдомовец, пытающийся найти свои семейные корни), составили вторую книгу Ч. **«Вечный хлеб»** (Л., 1984), с подзаголовком «Три повести»: романы Ч. обычно невелики по объему, отсюда и некоторая размытость жанровых границ.

Значительным событием в творчестве Ч. стала повесть **«Прощай, зеленая Пряжка!»** (Нева. 1987. № 6–7, отд. изд. М., 1989) отразившая опыт работы автора в качестве врача (Пряжка — речка в Петербурге, на которой расположена известная психиатрическая больница). Достаточно редкая в нашей лит-ре тема раскрыта писателем с большим худож. тактом, история любви молодого врача Виталия Капустина и юной пациентки Веры Сахаровой — любви, так и оставшейся невысказанной, — трогательна и драматична.

Проза Ч. развивается в русле реалистической традиции, для нее характерно внимание к подробностям жизни — как внешней, так и внутренней: герои Ч. много размышляют о мире, «о времени и о себе». Характерна в этом отношении повесть **«Человек, который не умеет кричать (Записная книжка Сергея Сеньшина)»** (в книге из серии «Повести ленинградских писателей», Л., 1988, куда вошли еще 3 произведения Ч.), целиком посвященная самонаблюдению и самораскрытию главного героя — 33-летнего ученого, человека честного и совестливого, остро реагирующего на любые проявления фальши.

При всем том Ч. не чуждается и некоторых формальных изысков, присущих новейшей прозе. В частности, один из его излюбленных приемов — параллельное повествование. В повести **«Анабасис»** (Нева. 1992. № 9) эпизоды жизни главного героя — шахматиста-инвалида, чемпиона мира в игре по переписке Максима Норова — переплетаются с историей бездомного пса Тулупа, в финале обе линии пересекаются завершаясь одновременной трагической гибелью обоих персонажей. В романе **«Харон»** (Нева. 1997. № 1–2) реальная жизнь Егора Владимировича Савича, главного врача хосписа — больницы для безнадежных раковых больных — перемежается его же фантазмагорическими грезами о том, как организовал бы он жизнь на земле, оказавшись ее неограниченным и всемогущим повелителем.

Как правило, внимание Ч. привлекают не экзотические маргиналы, а люди на своем месте, честно и добросовестно выполняющие свой профессиональный и человеческий долг. В созданной им галерее персонажей есть и такие, кто вполне мог бы претендовать на роль положительного героя последней четверти XX в. Нетрудно, однако, заметить, что с годами в творчестве Ч. нарастают трагические мотивы, все менее благополучными оказываются финалы произведений. Гибнет и доктор Савич, потерпев сначала фиаско в своей второй, вымечтанной ипостаси: при всех своих добрых намерениях всемогущий диктатор зашел в тупик, оказался не в силах придумать, как помочь миру «в наше умственно растерянное время».

Одновременно растет интерес писателя к необычным ситуациям, своего рода гротеску. Еще в сравнительно ранней повести **«Книга радости — книга печали»** (в одноименной книге [М., 1984]) появляется крылатый от рождения человек Костя Кудияш, которого эта счастливая особенность ставит в непростые отношения с миром и людьми. «Повесть-метафора, повесть-притча», — определил это произведение критик А. Урбан. В дальнейшем, однако, фантазии Ч. можно скорее определить как «фантазии без фантастики». Таков, например, роман **«Кремлевский Амур, или Необычайное приключение второго президента России»** (Нева. 1995. № 1; отд. изд. Л., 1995), сюжет которого исходит из вполне реальной посылки: в большую политику приходит все больше женщин. Может ли возникнуть любовь между президентом одной страны (скажем, России) — мужчиной и президентом другой страны (допустим, Украины) — женщиной? И как скажется это на межгосударственных отношениях? В произведении Ч. все устраивается наилучшим образом. Это пожалуй, самое светлое произведение последнего десятилетия жизни писателя, нечто среднее между памфлетом и рождественской сказкой на совр. лад.

Иной тональностью окрашена повесть **«Борисоглеб»** (в книге «Профессор странностей». СПб., 1998), в центре которой судьба сиамских близнецов: Бориса и Глеба. Сами по себе сиамские близнецы — явление реальное, хотя и весьма редкое, писателю же оно понадобилось для того, чтобы в крайне заостренной форме поставить вечные вопросы человеческого бытия: жизнь и смерть, суверенность личности, право на счастье. Повесть вызвала разноречивые отклики: наряду с высокой оценкой необычности и дерзости

писательского замысла, некоторые читатели упрекали автора в натурализме и даже безнравственности отдельных страниц.

По-своему фантазмагоричен и роман **«Большой футбол Господень»** (отд. изд. М., 2001), где мы вновь сталкиваемся с приемом параллельного повествования: в то время как отважная девушка Клава разыскивает в Чечне попавшего в плен жениха, в Петербурге набирает популярность религиозная секта ХБС («Храм Божественных Супругов»), основанная подростком Дионисием (Денисом Мезенцевым), две сюжетные линии пересекаются лишь в самом конце книги. Писатель исследует социальные и психологические корни современного богоискательства и богостроительства: авантюризм и корысть одних, душевная неустроенность и неприкаянность других.

Автор и его герои задаются вопросом: если Бог существует, почему подвластный Ему мир столь несовершенен, почему в нем столько жестокости и зла? «Или — не видит? Или видит — но помешать не может? Или может помешать — но не хочет?» Не хочет, может быть, потому что бесстрастен, людские страдания, конфликты, войны для Него — лишь средство как-то скрасить скуку безначального и бесконечного бытия, вроде футбола для болельщика, — таков смысл метафоры, вынесенной в заглавие.

Последние рассказы Ч. — **«Новый аттракцион»** (Звезда. 2002. № 3), **«Некролог»** (Нева. 2002. № 10) — посвящены судьбе писателя, неожиданно для себя оказывающегося лишним и невостребованным в изменившемся постсоветском мире.

В разные годы Ч. активно выступал как публицист на страницах газет и журналов. Тематический диапазон его выступлений широк: судьба культурного наследия, религия и атеизм, проблема смертной казни, война в Чечне, грамотность телевизионных дикторов и т. д. Публицистические произведения 1990–2001 собраны в книге **«Пожелания к 3000 году»**, составленной автором и вышедшей в свет по смертности. Для Ч.-публициста характерны открытость, искренность, готовность пойти, если надо, наперекор господствующим мнениям. «Все мы сейчас — пациенты реформ...» — заключает автор свое предисловие. — Меняется наше зрение — меняемся и мы сами... Признаюсь, мне очень нравится время, пациентом которого я стал. Нет ничего увлекательнее, чем реформа зрения».

Соч.: У Пяти Углов: повести и рассказы. Л., 1988; Повести. Л., 1988 (Повести ленинградских писателей);

Гаврилада: повесть // Нева. 1991. № 11. С. 7–76; Нам надо освободиться от самих себя: интервью // Столица. 1991. № 7. С. 10–11; Россия с точки зрения психиатрии — интереснейший случай: интервью // Столица. 1993. № 12. С. 10–12.

Лит.: Камянов В. Рассеянная сосредоточенность // Лит. обозрение. 1980. № 9. С. 50–52; Петелин В. Пора зрелости // Москва. 1981. № 4. С. 187–193; Янская И. Что кому снится // Лит. газ. 1981. 2 дек.; Владимирова И. Неожиданный облик добра // Нева. 1982. № 10. С. 165–166; Урбан А. О прозе Михаила Чулаки // Чулаки М. Книга радости — книга печали. М., 1984. С. 376–382; Алиева Р. Автор и герой в повести М. Чулаки «Прекрасная земля» // Внутренняя организация худож. произведений. Махачкала, 1987. С. 56–63; Арьев А. Здравый смысл против расхожих мнений // Чулаки М. Повести. Л., 1988. С. 415–430; Петров А. Путешествие с Чулаки в поисках Набокова // Нева. 1997. № 10. С. 215–220.

И. О. Фоняков

ЧУЛКОВ Георгий Иванович [20.1(1.2). 1879, Москва — 1.1.1939, Москва] — прозаик, поэт, драматург.

Родился в семье чиновника. В 1898 поступил на медицинский ф-т Московского ун-та, где проучился 4 года. В печати дебютировал в 1899 рассказом «**На тот берег**», появившимся в газ. «Курьер». В 1902 за активную политическую деятельность был сослан в Якутскую губ. «Жил в тайге,— писал Ч. в автобиографии,— на берегу печальной и пустынной реки Амги». Через год он был амнистирован и получил разрешение поселиться в любом городе Европейской России, кроме Москвы и Петербурга. Ч. выбрал Нижний Новгород, где тогда жили мн. высланные из столиц писатели. Здесь он сотрудничал в газ. «Нижегородский листок», продолжал писать стихи и рассказы.

В начале 1904 в Москве вышел его первый сб. «**Кремнистый путь**». Сам автор позднее считал книгу незрелой, но весьма характерной для эпохи: «В ней были все качества подлинного документа. А документ был не из веселых. В ней было то темное „томление духа“, какое всегда замечается, когда наступает кризис культуры». В. Брюсов скептически отозвался о сб.: «Образы г. Чулкова необычны, но в них не отражение своеобразного взгляда на мир, а только желание увидеть то, чего другие не видят. <...> Его первая книга — только попытки и опыты, большей частью неудачные» (Весы. 1904. № 1. С. 71). Благожелательная рецензия на книгу появилась на страницах ж. Мережковских «Новый путь»; она принадлежала П. С. Соловьевой. Вскоре

Г. И. Чулков

Мережковские предложили Ч. стать секретарем редакции ж. Он дал согласие и с энтузиазмом принялся за работу. Ч. принимал непосредственное участие в коренной реорганизации ж., который с 1905 стал называться «Вопр. жизни» (будучи секретарем обновленной редакции, он заведовал лит.-критическим отделом). Уже тогда Ч. проявил себя как «деятельный организатор литературной жизни, чутко улавливающий дух и веления времени» (А. В. Лавров).

В 1906 Ч. выдвинул шумевшую религиозно-философскую и эстетическую теорию «мистического анархизма» (она была изложена в его книге «**О мистическом анархизме**», 1906). Эта «доктрина» сложилась в сознании Ч. еще в 1905 под влиянием революционных событий, а также идей Вяч. Иванова о «кризисе индивидуализма», о «сборности», свободном единении людей, связанных общностью религиозного сознания. В основе «теории» лежали идеи «неприятности мира», внутренней свободы личности, религиозного жизнетворчества. По словам Ч., мистико-анархисты не принимают мира данного и мечтают о мире преображенном. Вероятно, Ч. подразумевал некое совершенно новое состояние мира и человека, к которому должно привести духовное раскрепощение личности и общества. «Мистический анархизм» в его представлении — своеобразный путь, духовный опыт, мироощущение, которые могут способствовать этому раскрепощению. «Доктрина» Ч., в которой прихотливо